

Пролог. Медведь пробудился

...В котором медведь очнётся ото доброго сна. Как итог, Принцесса Селестия обзаведётся самой настоящей ушанкой, размышляя мимоходом о судьбах Эквестрии.

«Слушайте, слушайте пасмурное дыхание осени... закончились Эквестрии погожие деньки».

Принцесса Селестия отвела взгляд от окна — робкие капли первого октябрьского дождя постукивали о стекло — и устроилась на мягком пуфике поудобнее. Потом она углубилась в чтение.

«Дорогая Принцесса Селестия.

Я всегда очень, очень любила веселиться с малышами. Я думала, заботиться о них значит только больше играть, так? Нет! Ни капельки! Ответственности у няньки гораздо больше, чем у простого товарища по играм.

Наша жажда ответственности может опередить наши возможности: вот, что я узнала сегодня.

— Ваша верноподданная, Пинки Пай».

Принцесса отпила из бокала игристое шампанское и улыбнулась своей чудесной улыбкой. Таким простым, непринуждённым движением она могла обнадёжить, вдохновить, а подчас и осчастливить; но сейчас она улыбнулась просто так. Для себя одной. И для себя одной она уже трижды перечитывала эти нехитрые, даже наивные, строки.

— Тем не менее. Вижу, нашей веселушке скучать некогда, — Принцесса Селестия подняла голову. — Правда, Филомена?

Похожее на ощипанного петушка существо содрогнулось всем телом, закашлялось, перевернулось на жёрдочке вверх тормашками и зажмурилось; в период перерождения, особенно преждевременного, птица феникс к продолжительным контактам не расположена.

Бытует мнение, что думать гораздо проще, чем не думать. Принцесса это проверила: и если размышлять о дюжине вещей разом она выучилась спустя два столетия после того, как стала аликорном, то избавляться ото всякого подобия мысли ей удалось лишь через семь долгих веков. Многомыслие со временем поизносилось — сноровка уже не та, стало быть, не больше пяти дум сразу — а мастерство безмыслия до сих пор служило верой и правдой. В тихой гавани безмолвия и пустоты Принцесса переводила дух.

Принцесса надкусила торт и положила обратно, на блюде из кириносского фарфора.

Трещат поленья в камине, моросит дождь, угрюмо сопит Филомена, и так восхитительно, так роскошно не думается...

И стоило только Селестии снова опустить взгляд на письмо, как от гармонии уже осталось одно воспоминание. В двери покоев стучали. Тем самым, деловитым, стуком, которого Селестия за десять столетий наслушалась от тысяч пони, с которым сжилась,

который стал привычен, как цокот собственных копыт.

Принцесса вздохнула (наедине с собой она могла такое позволить), разделалась с шедевром кондитерской мысли, допила последний глоток, и стала заботливо сворачивать письмо.

— Прошу, Стелс, входите.

Мысли о всякой государственной всячине возвращались чинно, степенно, одна за другой, и строились в шеренгу. Это она их вымуштровала: в стародавние времена, помнится, они могли дать фору жеребяткам, бегающим вдогонки в гуще крапивных зарослей.

Вошёл Нортроп Стелс, начальник Тайной, «Личной, Её Величества», Канцелярии. Неприметный земной пони шестидесяти двух лет, в камзоле с гербовыми пуговицами, фетровой шляпе и круглых очках. Исполнителен, надёжен, несколько тщеславен. Себя называет «слугой народа» и обожает, когда ему на это намекают.

Стелс раскланялся. Селестия кивнула. Филомена, учуяв гостя, зашла страдальческим, леденящим кровь кашлем, но внимания так и не добилась.

— Ваше Величество, — Нортроп склонил голову. — У меня есть дело первостепенного значения.

Уши Селестии наострились без спроса. Нортроп каждый раз говорил «у меня есть дело чрезвычайной важности»; он не разбрасывался словами попусту. Ну а если уж речь зашла о деле «первостепенного значения»...

— Пожалуйста, Стелс, присаживайтесь, — Селестия встала во весь рост. — Минута, и я вас внимательно выслушаю.

Полка, к которой подошла Принцесса, была специальная полка: в бесконечном круговороте забот о королевстве опека Элементов Гармонии занимала особое место. Селестия окинула взглядом шесть фотографий. Больших хлопот стоило свести носителей Элементов в тихом Понивилле безболезненно — так, чтобы не рвать с корнем дружеские и семейные узы. Надо отдать должное, головоломную операцию длиной в восемь лет провели блестяще. Нортроп Стелс потрудился на славу, и за то получил высокий чин начальника Тайной Канцелярии.

Селестия взяла телекинезом перо и поставила на послании дату: второе октября тысяча двадцать третьего года и.д. (после изгнания Дискорда). Потом она положила письмо под фотографию Пинки Пай и мысленно поздравила веселушку с первым Отчётом.

Как знать, как знать... недавно листы бумаги, исписанные размашистым почерком Спайка, уже спасли мир от второго дискорда.

Принцесса обернулась. Улыбка не исчезла с её лица, нет — просто изменился оттенок. Негоже улыбаться хорошему подчинённому так, как улыбается успехам жеребёнка мать. Подчинённый может и обидеться.

— Я слушаю вас, Стелс, — Селестия пересекла покои и уселась напротив, за круглым столом.

— Простите меня за излишнюю метафорию, Ваше Величество, — Нортроп кивнул. — Но я вынужден бить красную тревогу: медведь пробудился.

Смутная догадка осенила Принцессу. Сердце дрогнуло, но лицо осталось прежним.

— Снежный Занавес, Ваше Величество... — Нортроп воровато оглянулся. — Он

рассыпался!

Селестия сделала вид, что удивлена до крайности. Это вдохновило Нортропа. Он прочистил горло — ему вторила Филомена — и, помогая себе жестами, начал рапортовать: в копытах Тайной Канцелярии оказались данные, полученные из пограничного городка Галлопин Гордж, что сегодня после полудня несколько пегасов в форме, похожей на военную, свалились на жителей вышеозначенного городка, «как снег на голову». Правда, пегасы, похоже, сами не поняли в точности, что случилось и спаслись бегством с места происшествия. Один из них обронил головной убор, и Нортроп готов представить сей предмет к августейшему сведению Её Величества.

Стелс запустил копыто в седельную сумку и вытащил меховую шапку с большими, причудливыми ушами, повязанными на макушке. Он лукаво улыбнулся, словно хотел разразиться восхищёнными вскриками в духе «вот! Каково, а?», но не дал себе воли.

Удивление Селестии, казалось, подскочило до заоблачного уровня. На самом деле, это было не так-то далеко от правды. Просто удивление — на редкость туманное, половинчатое чувство, которое не несло в себе ни капли того, что переживала сейчас Принцесса.

«О, Небо... подумать только. Они живы. Они там все не сгнули».

Селестия приняла шапку и разглядела со всех сторон. Когда взгляд наткнулся на медную кокарду с подковой и молотом, стройные фаланги мыслей рассыпались.

Так во вселенском уравнении Принцессы выросла одна-единственная переменная. Даже не столько выросла, сколько объявилась снова, спустя долгие столетия, и перевернула всё вверх дном. Принцесса отлично знала, кто придёт ей на смену, кто чем будет заниматься и по какой дорожке пойдёт Эквестрия дальше. Принцесса отлично знала, когда ждать пробуждения Найтмер Мун, Дискорда и Сомбры, ведь всех их сразило могущество Элементов — непредсказуемое, своевольное могущество...

Но — Сталлион?

Нортроп, сохраняя каменное лицо, еле заметно потирал копытом по краю стола — максимальное проявление радости для разведчика высшей марки, который никогда не покажет истинных чувств даже перед тем, кому можно доверять безоговорочно. Так он вёл себя каждый раз, когда ему (входящему в число привилегированных пони, способных удивить всеведущую самодержицу), удавалось застать принцессу врасплох.

Он, как умнейшая личность, прекрасно понимал, что Селестия никогда не покажет истинных чувств, но за все эти годы службы также научился распознавать по мелочам истинный настрой владычицы. Он знал, что сам не идеален перед начальством в этом плане, но кого это волновало кроме них самих? Пусть это будет эмоциональным паритетом. А что касается всей этой игры, в которую играет с простыми смертными тысячелетняя владычица: Что ж, Селестия, мастерица высшего пилотажа и изобретатель принципа «наилучшая власть та, что делает себя излишней», поэтому её замешательство всегда стоило очень многого. Оно давало понять, что в этом мире ещё полно не предопределённых лазеек, в которых сэр Стелс будет копать до конца своей жизни. Но Сталлионград... Это был слишком серьёзный пробел в государственных и геополитических планах. Поэтому с того самого момента? как Нортроп взял эту ушанку в копыта, наравне с радостью развенчивания тайн, в его душе зародилось настоящая

тревога. Как бы то ни было, Нортроп даже не корил себя за рапорт, превращённый в эмоциональное шоу.

Всё это Селестия прочитала на его безучастном лице.

— Каково будет ваше повеление? — Стелс вытянулся во фрунт, чтобы подчеркнуть серьёзность ситуации.

Селестия, не отрывая глаз от ушанки, ответила:

— Снаряди туда своих отборных разведчиков. Завтра к ужину рапорт должен лежать у меня на столе.

А про себя подумала: «зная Сталлиона, он уже давно сделал то же самое».

— Несомненно, Ваше Величество, — Нортроп отклонялся. — Почту за честь развинчивать ситуацию вместе с вами.

Ах, этот Стелс, один из немногих пони (если не единственный), который не гнушался подобных фраз. Он слишком хорошо знал правящую особу, чтобы сдерживать себя, особенно когда их мысли совпадали. Конечно, он уже снарядил разведчиков, которые, скорее всего, сейчас ждали последнего подтверждения.

Скрипнула дверь, и Принцесса снова осталась одна. С разбросанными в беспорядке мыслями, потухшим камином и Филоменой, задремавшей от отчаяния.

Несколько мгновений Селестия смотрела в пустоту. Потом она вздохнула ещё раз, впрочем, уже не спрашивая у себя «августейшего соизволения». Вздох вырвался сам.

— Так-то, Филомена, — проговорила она. — Живёшь-живёшь, а потом тебя удивляют в очередной раз. До дрожи в коленях.

Селестия обрадовалась и загрустила, оживилась и затосковала, расслабилась и сжалась в комок одновременно. Обыденной ясности ума и след простыл. Она сидела, зачарованная, и не знала, что предпринять.

Прошное буквально скрутило ей копыта.

Наконец Принцесса встала и подошла к столу, на котором лежали вечерний выпуск «Кантерлот Таймс» и пара отчётов. Чтобы отвлечься и испытать силы, она стала припоминать содержание бумаг.

Что ж, в отчётах всё как обычно. Во-первых, примерный маршрут зимней миграции драконов. Во-вторых, известие о том, что магический фон Тартаруса на 3% нестабильнее обычного. В-третьих, донесение о том, что археологи-водолазы раскопали поющие амфоры морских пони, датируемые доклассической эпохой. Газеты же наперебой писали на тему «Снежная угроза: Кристальные Горы блеют от ужаса!» — о том, что во Всевеликой Баранославии резко ухудшается температура, и многие её жители в спешке бегут, наводняя и без того тесный Мэйнхеттен.

Всё как обычно. А что ещё горше, ей не удавалось больше вспомнить каждую до последней букву, как несколько веков назад. Даже некоторые смысловые тезисы, увы, ускользали из копыт стареющей владычицы.

Вот, разве что, последняя новость. О, Ледяной Север!.. В этот неприветливый край в своё время ушли Сталлион с Сомброй, и с тех пор безжизненные горы начали подкидывать сюрпризы один другого больше. Так и теперь. Снова. А ведь ещё докладывают, что перевёртыши что-то замыслили...

Селестия оглянулась. Рядом висело зеркало. Тогда она нахлобучила на голову ушанку и стала разглядывать себя со всех сторон.

Ледяной Север... да. Вендиго вернутся, сомнений быть не может. Нужно только время. Время, время. Где его взять-то, время?..

Принцесса сняла ушанку, поднесла к мордочке, вдохнула. И закашлялась.

Ушанка пахла медведем.